

Глава 5. Частица души

— Неужели... неужели это дух великого предка явился нам?!

Когда великий заклинатель погибает, в мире нередко остаются одна-две частицы его души. Некоторые из этих остаточных душ сохраняют разум и могут общаться, другие же — лишь бесплотные образы прошлого.

После гибели Цин Чанъюя пятьдесят лет назад все места, где он когда-либо бывал, были взяты под строгий контроль. Безграничный Курган Мечей не стал исключением. Все знали, что именно отсюда Бессмертный Владыка Срывающий Луну забрал свой легендарный клинок.

Нынешний глава праведного пути, Бессмертный Владыка И Ванчэнь, приказал запечатать пещеру духовными замками, допустив вход лишь ученикам Девяти Великих Сект. Однако Безграничный Курган Мечей долгое время был общедоступным арсеналом, и полностью перекрыть к нему доступ оказалось невозможно.

За прошедшие полвека бесчисленные заклинатели, движимые восхищением или любопытством, продолжали стекаться к пещере в надежде встретить хотя бы тень души некогда первого красавца и сильнейшего воина мира. То же самое происходило и в других местах, связанных с его именем.

Но никто так и не нашёл ни единого следа духа Цин Чанъюя.

Говорили, что он, ступив на путь демонов и предав заветы учителей, был отвергнут самими небесами, а потому его душа развеялась без остатка, не оставив после себя даже тени!

И вот сейчас, здесь, в этой пещере, перед ними двумя...

Парящий в воздухе заклинатель медленно опустил взгляд, и его взор лёг на них непомерной тяжестью.

Старейшина Тайцин почувствовал, как по телу пробегает дрожь. Сердце бешено заколотилось под этим пронзительным взором.

Это лицо... оно ничуть не изменилось с тех пор, как он видел его в последний раз. Он сам уже превратился в дряхлого старика, а бессмертный, чей мимолётный образ запечатлелся в его памяти в далёком детстве, остался всё таким же.

Юные последователи школы Тайцин редко видели своего великого предка. Во-первых, Цин Чанъюй нечасто бывал в ордене, предпочитая странствовать по миру. Во-вторых, когда он всё же появлялся, его мгновенно окружала шумная толпа, жаждущая мельком взглянуть на Бессмертного Владыку — поклонников всегда было столько, что хоть возы с плодами собирай.

Поэтому он видел его лишь однажды.

Но этот единственный раз он не забыл до конца своих дней.

Это случилось на церемонии вступления в школу, когда он подносил чай наставнику и наставнику наставника. Его учителем был тогдашний глава И Цзяньюнь, младший ученик Цин Чаньюя.

Тот был человеком со странным нравом, но в тот день говорил мягко и тихо, проявляя к своему мастеру безграничную заботу. Даже чашу с чаем, которую мальчик протянул великому предку, И Цзяньюнь сперва взял сам и, лишь убедившись, что напиток остыл до нужной температуры, передал дальше.

Цин Чаньюй восседал во главе зала в парадном облачении секты Тайцин, с талией, перехваченной алой шёлковой лентой. Он слегка опустил глаза, взглянув на мальчика сверху вниз.

И даже тысячи огней, сиявших в зале, не могли сравниться с блеском его глаз в тот миг.

Прежде чем отпить чай, мастер сказал И Цзяньюню:

— Имя Ню Сяочунь не годится. Цзяньюнь, дай ему новое.

И лишь благодаря этой единственной фразе учитель стал относиться к нему с куда большим терпением. Перед смертью он даже сделал его старейшиной, чтобы тот, даже не обладая выдающимися способностями, мог прожить жизнь в покое и достатке.

Мимолётный взгляд, брошенный сто лет назад, и этот, пронзающий его сейчас, внезапно слились воедино.

Ошибки быть не могло.

Такого величия и изящества не было больше ни у кого в мире.

— О небеса, великий предок явил нам свой дух!

Лицо Ню Чжисяня переливалось всеми цветами радуги, пока наконец не застыло в выражении чистого ужаса. Он развернулся и со всей силы треснул Чэнь Сяогэня по голове.

— Никчёмный ты болван, живо падай на колени перед предком!

«Матерь божья, так вот он какой, легендарный первый красавец Цин Чаньюй! — подумал Чэнь Сяогэнь. — Чёрт побери, в слухах-то он был безжалостным демоном, убивающим без счёта! Кто бы мог подумать, что он выглядит таким хрупким?»

Чэнь Сяогэнь окончательно остолбенел. Он понял, что влип по-крупному, и теперь, с новой шишкой на голове и разбитым лицом, дрожал от страха. Робкий и заискивающий, он походил на мышь, обретшую человеческий облик.

У Цин Чаньюя зачесались руки. Он едва сдержался, чтобы не проредить ряды учеников от имени И Цзяньюня.

«Воистину, глупый учитель воспитывает слабоумного ученика. Два сапога пара»

Он незаметно убрал меч Фу Фэн в мешочек, чтобы избежать лишних осложнений. Не нужно было быть провидцем, чтобы догадаться:

— Ты ученик из школы И Цзяньюня?

«Только мой бездарный младший ученик И Цзяньюнь мог вырастить таких вот недотёп, которые из поколения в поколение плодили подобных себе, — горько усмехнулся Цин Чаньюй»

«Талант у И Цзяньюня был немалый, да и внешностью он обладал приятной, вот только характер имел избалованный и был донельзя прилипчивым. Наверняка в его школе ученикам подмешивают в еду какой-то отвар глупости. Иначе как ещё объяснить, что такой многообещающий росток превратился в неблагодарного предателя?»

«Неблагодарный ученик набрал себе в школу кучу болванов, те — презренных отбросов... Такими темпами секта Тайцин и трёх поколений не протянет»

При этой мысли Цин Чаньюй невольно вздохнул, в очередной раз порадовавшись, что не взял Ши Циньяня в ученики. Мудрое было решение.

Ню Чжисянь же был ошеломлён тем, что великий боевой предок помнит его.

— Именно так, — старик откинул полы одежд и низко поклонился Цин Чаньюю. — Учитель говорил, что если однажды мне доведётся узреть дух великого предка, я должен передать вам его слова. Он сказал, что был неправ и раскаивается, и что даже тысячи смертей не искупят его вины. Какое бы наказание ни ждало его в загробном мире, он примет его с готовностью.

Голос старика дрогнул от затаённой боли.

— ...Пятьдесят лет назад наставник тоже прервал свои меридианы и последовал за вами в мир

иной.

Перед смертью И Цзяньюнь, глядя на Ню Чжисяня широко раскрытыми глазами, сказал: «Если эти слова не достигнут ушей моего учителя, я вовек не смогу сомкнуть глаз».

По пещере пронёсся порыв ветра, похожий на тихий плач, от которого по коже пробежали мурашки.

Цин Чаньюй на мгновение вспомнил своего суетливого младшего ученика. Даже когда заклинателю не страшны ни холод, ни жара, тот без умолку щебетал, кутая его в тёплые одежды и остужая для него чай, словно неумомимый воробей.

Предсмертное желание учителя было так близко, и Ню Чжисянь не смел медлить.

— Он также завещал мне беречь секту Тайцин, ибо она была дорога великому предку Цин, — продолжил он. — Но я оказался ни на что не годен. Младший дедушка-наставник И увёл за собой многих последователей и основал новую школу. Секта Тайцин теперь уже не та, что прежде.

Цин Чаньюй действительно когда-то был главой этой обители, но всего несколько месяцев. В те времена И Цзяньюнь был самым шумным из его учеников и целыми днями умолял братья его с собой, куда бы он ни направлялся.

В конце концов, Цин Чаньюй, не выдержав его нытья, сбросил на него бремя власти, сказав, что верит в него и поручает ему беречь орден.

А сам отправился странствовать.

«Но он никак не ожидал, что у этого мальчишки не только дурной глаз имел, но и с умом было не всё в порядке. Иначе как он мог поддаться на чужие уговоры и в итоге умереть от угрызений совести?»

Когда Цин Чаньюй только попал в мир заклинателей, он провёл в школе Тайцин немало времени. Прошёл путь от внешнего ученика до личного последователя главы, а затем и сам занял его место.

Когда-то эта секта, возможно, и вправду была для него важна.

Но с чего они взяли, что отступник, на которого были направлены тысячи мечей и излиты потоки проклятий, будет до сих пор испытывать тёплые чувства к своей бывшей школе?

«Когда меня изгоняли из Тайцин, никто о чувствах не вспоминал»

Пальцы Цин Чаньюя бессознательно постукивали по эфесу меча. Наконец, он холодно произнёс:

— Я больше не имею отношения к секте Тайцин. И вы не должны называть меня предком.

Среди тех, кто так яростно требовал его изгнания, было немало его собственных учеников. А окончательное решение принял тогдашний глава — И Цзяньюнь.

Никого из них Цин Чаньюй больше не желал признавать.

Вот только он не думал, что И Цзяньюнь умрёт так рано. Заклинатели живут долго, и такой талантливый, как он, мог бы прожить несколько сотен лет.

«Заплатить жизнью за проступок? Долги в этом мире так просто не списываются»

[Он это заслужил. Не печалься]

— не удержалась Система 001.

Эмоции Цин Чаньюя было почти невозможно уловить. Казалось, он был прирождённым мастером маскировки, и даже величайшую скорбь выдавали лишь едва заметные признаки.

Цин Чаньюй приподнял бровь.

— С чего ты взяла, что я печалюсь?

Система взглянула на внезапно просевшие показатели в своей базе данных. Падение было мимолётным, и она уже начала сомневаться, не было ли это сбоем.

— Сегодня я преподам вам последний урок: умеете прощать, когда это возможно.

— С этого дня вы признаёте лишь И Цзяньюня. Обо мне больше не упоминайте.

Великий боевой предок больше не признавал И Цзяньюня своим учеником. А вместе с ним — и всех последователей секты Тайцин.

Ню Чжисянь на мгновение замер, а затем, низко склонив голову, совершил глубокий поклон.

— Младший усвоил урок.

Два заклинателя распростёрлись на земле. Когда они снова подняли головы, пещера была пуста. Лишь в воздухе витал лёгкий, едва уловимый аромат.

Чэнь Сяогэнь подёргал всё ещё пребывающего в протрации Ню Чжисяня и простодушно спросил:

— А когда предок в следующий раз явится, он сможет вернуть меч?

?

«Какой меч?»

Сознание Ню Чжисяня на миг опустело, а затем его словно осенило.

...Постойте-ка!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/16005/1507192>